

Купажки - 10998 - 11 июня - с. 31.

— Все очень серьезно. Начат крестовый поход против нашей культуры. И если все будет продолжаться в том же ключе, культура как таковая может просто погибнуть. Судите сами — на культуру по закону полагается два процента, фактически выделяется не более чем шестьдесят семь сотых процента, а теперь есть план и эти жалкие крохи сократить. Причем никакие приоритеты не учитываются. Грубо говоря, известный на весь мир ансамбль Моисеева и танцевальный ансамбль города Кызыла будут урезаны одинаково. Ситуацию можно представить так... Кремлевская больница. Операционный стол. На столе лежит очень важная больная — ведь никто не говорит, что культура не важна! Все твердят, что важна, и даже очень! — которому для спасения его жизни нужно перелить литр крови. Врачи говорят — у нас затруднения, мы дадим только семьдесят пять кубиков. Да он же умрет! А рядом стоят доноры, которые готовы дать кровь. Нет, говорят им, нельзя. Вот хотел бы я посмотреть, что будет с тем больным, которому вместо литра крови перельют только семьдесят пять кубиков... Думаю, это самый правильный пример того, что происходит сейчас с нашей культурой. Причем происходит — что самое страшное — при поддержке человека, к превеликому моему сожалению, сохранившего пост министра культуры. Госпожа Деметьева все это одобрила, не предприняв ни единой попытки предотвратить. Давайте выбрасывать на улицу профессионалов! Обойдемся... Без такого министра мы бы точно обошлись.

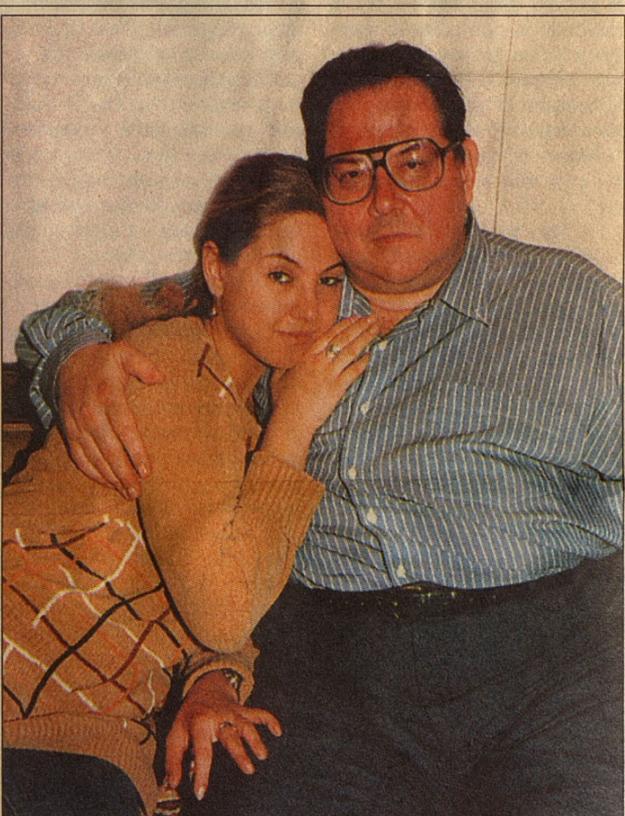
— **Вы уверены, что людям грозит именно опасность быть выброшенными на улицу?..**
 — А как по-вашему? Их выпустят в свободное плавание, но не дадут ни парусов, ни бензина...
 — **Но доноры, о которых вы говорили, действительно есть?**
 — Появятся, если будет принят закон о меценатстве и государство перестанет драться с людьми за то, что они дали деньги, а с нищих организаций проценты за то, что взяли... А кроме того, должна наконец заработать двадцать шестая статья закона об авторских и смежных правах. Импортёры должны платить за ввоз в Россию аудио- и видеоаппаратуры и чистых кассет, нужно, чтобы поступали отчисления за коммерческое использование музыки. Реализация аналогичной статьи во Франции приносит исполнителям и фонографистам более миллиарда долларов в год. Это в одной Франции! А у нас рынок гораздо больше, но пробить девять кругов чиновничьего ада мы не можем.
 — **А есть ли во Франции министерство культуры?**
 — Есть, называется оно министерством культуры и туризма, и штат там весьма невелик. Должен заметить, что в нашем Министерстве культуры есть прекрасные, высококвалифицированные музыканты, но их мнения просто не спросили.
 — **Грустно. Однако недавно исполнилось три года вашей академии. Что произошло за это время?**

Искусство может приносить миллиарды долларов

Пианист Николай Петров в особых представлениях не нуждается — известный музыкант и, как говорилось в былые времена, человек с активной жизненной позицией. Занятый множеством творческих планов и преподаванием в консерватории, увлеченный идеей фестиваля России в Баварии, президент Академии российского искусства никогда не упускает возможности обрушить праведный гнев на головы окологкультурных чиновников.

— Почти у всех учредителей и членов нашей академии за эти годы произошли замечательные события. Это Государственная премия и высочайший французский орден Игора Александровича Моисеева, юбилей Элины Быстрицкой, Букеровская и Пушкинская премии Фазиля Искандера, звание и премия Павла Когана, триумф Тодоровского с его последним фильмом, наконец, орден "За заслуги перед Отечеством", который получил ваш покорный слуга... Вообще за это время сделано немало каких-то добрых дел — например, цикл "Бах — Вивальди" с оркестром Светланы Безродной. Весь сбор идет в пользу актеров-пенсioenеров. Мы учредили пять стипендий по сто долларов — не так уж мало, почти зарплата профессора! — для трех студентов консерватории, лучших по результатам переводных экзаменов, и двух учеников школы Моисеева. С будущего сезона начнем эти стипендии выплачивать. И впредь постараемся всячески помогать... С нетерпением ждем, когда мы наконец получим помещение, где сможем нормально жить и функционировать. Это трудно... Получить что-то, как говорилось в старину, на хапок — очень легко. А нормальным путем найти место, где можно будет создать многофункциональный концертный зал, оказалось невероятно сложно.
 — **Вы знаменитый музыкант, но не обидно ли вам всю жизнь играть чужую музыку? Не хочется ли писать свою?**
 — Нет, писать музыку я никогда не стану, хотя в свое время умудрился написать песню на смерть Сталина — ее исполнил хор ЦМШ. Но серьезно заниматься этим не

буду, как никогда не буду дирижировать. Я очень уважаю профессию композитора и еще больше — профессию дирижера. Но совмещать все мог только такой великий человек, как Рахманинов, — он был одновременно и композитором, и дирижером и совершенно блистательным пианистом. А мне слишком многое хотелось бы сделать в своей основной профессии, и зачем выходить на публику и делать то, чего я не умею. Хотя, как показывает сегодняшний день, дирижировать оркестром совсем не сложно...

— **Как вы относитесь к нынешнему увлечению аутентичной музыкой?**
 — Любой пласт истории достоин изучения. А публика, например, обожает органые концерты. Зал всегда полон, потому что звучит орган. Столетиями музыка создавалась для него — тогда ведь не было нынешнего замечательного "Стейнвея"...
 — **Есть мнение, что**

играть эту музыку на современном рояле — все равно что запекать в яблочный пирог сливы вместо яблок...
 — Позволю себе с этим абсолютно не согласиться! Если бы Иоганн Себастьян Бах имел не клавиры — прямо скажем, жалкий, — а роскошный концертный "Стейнвей", то, уверяю вас, он был бы счастлив. Конечно, мы обязаны представлять себе, как сочинение звучало тогда, поэтому, скажем, сонаты Скарлатти записаны в исполнении и на клавиры, и на клавесине... Но на клавесине нельзя только сменить регистр. Поэтому, когда я работаю со своими учениками над произведениями Баха, я прошу как можно меньше обращать внимание на редакцию — это мнение одной личности, пусть даже очень значительной, но оно не может быть абсолютным. Ведь Бах должен был по договору ка ж -

ду неделю писать кантату Курфюрсту, и ставить виолочки ему было просто некогда. Полная свобода для исполнителя! Я это называю книжкой "Раскрась сам" — конечно, для высоких профессионалов.

— **Приходилось ли вам играть на органе?**
 — Когда мы несколько лет назад делали программу вместе с Людмилой Голуб — вечер французской музыки, оригинальные сочинения для рояля и органа, — одну пьесу мы играли в четыре руки на органе. Должен сказать, что это не просто.
 — **Но вам понравилось?**
 — Конечно, это интересно — все равно что пересест с "Мерседеса" на какой-нибудь замечательный огромный грузовик. Масса каких-то педалей, рычажков, кнопочек, с которыми не знаешь что делать...
 — **Следите ли вы за современным искусством?**

— Я не очень люблю авангардизм во всех его проявлениях. Не отрицаю, нет. Но определяющим это для меня не является. Как эксперимент — да, пожалуйста. Музыка — как прикладная, допустим, театральная. Но ставить ее рядом с произведениями Бетховена, Шуберта или Моцарта... Жизнеспособность любого авангардного направления в искусстве определяется единственным критерием — эмоцией. Когда вы, слушая современную музыку, можете сказать — это поздний Стравинский, а это Пьер Булез, значит, человек вложил в эту музыку кусок своей души. А людей, прекрасно знающих, как нужно писать, — их десятки тысяч. Они могут сделать любое, идеальное по форме сочинение, но скелет без плоти все равно останется скелетом, и вы никогда не скажете, русский композитор это написал, японский или финский. Я уверен, что долговечность музыки определяется после смерти ее создателя. Как только композитор уходит в мир иной, ровно через год становится ясно, были его сочинения однодневками или останутся в истории. Жестоко? Но это так. Это касается и поэтов, и художников... всех творческих людей. В свое время Шостаковича и Прокофьева хаяли как вели, обливали грязью, они были полуголодный образ жизни. Однако их творчество на века — навсегда! — переживет их биологическую кончину. А мы ведь знаем композиторов, которые при жизни звучали слишком часто. Теперь их сочинения и раз в год трудно услышать.

*Беседовала
Ольга Шато.*

